

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ВОИНСКОГО УЧЕТА В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ РЕЕСТРОВ

А.В. Быков¹, магистрант

И.Н. Кременов², канд. юрид. наук, доцент

¹Московский финансово-юридический университет, Калининградский филиал

²Санкт-Петербургский университет МВД России, Калининградский филиал

^{1,2}(Россия, г. Калининград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-2-220-225

Аннотация. В статье исследуется современное состояние и тенденции развития института административной ответственности за правонарушения в области воинского учета в Российской Федерации. На основе анализа правоприменительной практики 2025-2026 гг. рассматривается влияние цифровизации государственного управления – в частности, полноценного функционирования Единого реестра воинского учета и Реестра повесток – на материальные и процессуальные нормы КоАП РФ. Авторы выявляют ключевые доктринальные и практические коллизии, возникающие между правовой фикцией «автоматического вручения» электронной повестки и конституционным принципом презумпции невиновности (виновной ответственности). Особое внимание уделено правовой природе временных ограничительных мер, применяемых к гражданам во внесудебном порядке, а также резкому росту административной нагрузки на работодателей. В результате исследования сформулированы конкретные предложения по реформированию главы 21 КоАП РФ, направленные на защиту процессуальных прав субъектов ответственности в условиях цифровой трансформации

Ключевые слова: воинский учет; административная ответственность; КоАП РФ; Единый реестр воинского учета; электронная повестка; презумпция невиновности; ограничительные меры; ответственность работодателя.

В современных условиях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации институт воинского учета претерпел фундаментальную трансформацию. В период 2023-2025 гг. система государственного управления в данной сфере перешла от традиционных бумажных технологий к модели «цифрового государства», ключевыми элементами которой стали Единый реестр воинского учета и Реестр повесток. Данная технологическая модернизация потребовала адекватного ответа со стороны законодателя, что нашло отражение в радикальном реформировании главы 21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).

Эволюция административного законодательства в сфере воинского учета в период 2023-2026 гг. ознаменовала собой переход от декларативного характера санкций к модели жесткого государственного принуждения. В теории административного права наказание традиционно рассматривается через призму двух ключевых функций: карательной

(возмездие за содеянное) и превентивной (предупреждение новых правонарушений). В контексте реформирования главы 21 КоАП РФ именно превентивная функция стала доминирующим вектором законодательных изменений. До 2023 года санкции за нарушение правил воинского учета носили преимущественно символический характер. Штрафы в размере от 500 до 3000 рублей не соотносились с уровнем доходов населения и значимостью охраняемого объекта – обороноспособности страны. Низкий «порог ответственности» привел к массовому пренебрежению обязанностями по воинскому учету как со стороны граждан, так и со стороны организаций. Ситуация коренным образом изменилась с принятием Федерального закона от 31.07.2023 № 404-ФЗ, который заложил основу текущей системы наказаний, действующих в 2026 году.

Трансформация санкций в отношении граждан проявилась в резком увеличении верхнего и нижнего пределов штрафов. Наиболее показательна в этом смысле статья 21.5 КоАП РФ, устанавливающая ответственность за

неисполнение обязанностей по воинскому учету. К 2026 году штраф за неявку по повестке без уважительной причины составляет от 10 000 до 30 000 рублей. С точки зрения теории предупреждения правонарушений (превенции), такое десятикратное увеличение санкций преследует цель формирования устойчивого правомерного поведения через механизм «невыгодности» правонарушения. Высокий размер штрафа делает риск уклонения экономически неоправданным для большинства граждан.

Однако еще более радикальная трансформация коснулась ответственности юридических лиц и должностных лиц (ст. 21.1-21.4 КоАП РФ). Введение штрафов до 400 000-500 000 рублей за неоповещение граждан о вызове военного комиссариата или непредставление сведений о приеме на работу изменило парадигму корпоративного HR-комплаенса. В 2026 году воинский учет стал зоной высокого риска для бизнеса. Превентивная функция в данном сегменте реализуется через создание системы внутреннего корпоративного контроля: организациям стало выгоднее инвестировать в автоматизацию учета и наем квалифицированных специалистов, чем нести разовые убытки от административных штрафов, размер которых сопоставим с годовым фондом оплаты труда кадрового подразделения.

Важнейшим аспектом реализации превентивной функции в 2026 году является принцип неотвратимости наказания, обеспеченный полноценным функционированием Единого реестра воинского учета. В классической доктрине административного права превенция эффективна лишь тогда, когда строгость санкции сочетается с высокой вероятностью её применения. Цифровизация учета позволила автоматизировать процесс выявления деликтов:

1. Несообщение сведений об изменении места жительства или работы теперь фиксируется системой автоматически путем сверки данных из ФНС и МВД.
2. Неявка по электронной повестке регистрируется Реестром повесток в режиме реального времени.

Таким образом, в 2026 году произошел качественный сдвиг в понимании превенции. Если раньше она базировалась на страхе перед возможным (но маловероятным) обнаружением нарушения, то современная модель

опирается на осознание неизбежности фиксации правонарушения цифровыми алгоритмами.

Тем не менее, научная дискуссия относительно соразмерности таких санкций остается открытой. Существует риск того, что избыточная репрессивность наказания может привести к социальной напряженности и попыткам «ухода в тень» (например, переходу на неофициальную занятость). В связи с этим превентивная функция наказания должна быть уравновешена развитием институтов упрощенного исполнения обязанностей (через портал «Госуслуги»), чтобы административное принуждение воспринималось обществом не как инструмент пополнения бюджета, а как справедливая мера защиты государственных интересов.

Трансформация санкций в 2023-2026 гг. успешно выполнила задачу по возвращению воинскому учету статуса обязательного государственного института. Однако дальнейшая эффективность превенции будет зависеть не от дальнейшего роста штрафов, а от совершенствования механизмов их обжалования в случае технических сбоев системы, что позволит сохранить доверие граждан к цифровому государственному управлению.

Особое научно-практическое значение имеет анализ субъективной стороны состава административного деликта в сфере воинского учета. В классической доктрине административного права субъективная сторона правонарушения традиционно характеризуется психическим отношением лица к совершаемому им противоправному деянию и его последствиям, выражающимся в форме умысла или неосторожности. Согласно статье 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, административная ответственность может наступить исключительно при наличии вины. Однако масштабное внедрение информационных систем в практику государственного контроля привело к возникновению концептуального противоречия между традиционным пониманием виновного деликта и правовым механизмом функционирования цифровых реестров.

Суть данной проблемы заключается в формировании феномена так называемой «цифровой презумпции», или юридической фикции надлежащего уведомления. В соответствии с нормами действующего законодательства,

регулирующего функционирование Единого реестра воинского учета и Реестра повесток, направленная в электронной форме повестка считается врученной с момента ее размещения в личном кабинете гражданина на едином портале государственных услуг либо по истечении семи дней с даты ее публикации в публичном Реестре повесток. С этого момента у гражданина автоматически возникает обязанность явиться в военный комиссариат, а неисполнение данной обязанности по истечении установленного срока образует объективную сторону правонарушения, предусмотренного статьей 21.5 КоАП РФ.

С позиции теории права такой подход переносит бремя мониторинга юридических обязанностей непосредственно на гражданина. В результате возникает ситуация, при которой правонарушение признается оконченным на основе формально-технических показателей информационной системы. При этом реальное психическое отношение субъекта к невыполнению обязанности фактически выносятся за рамки доказывания. Военные комиссариаты при вынесении постановлений о наложении штрафов нередко исходят из принципа автоматизма, признавая факт неявки безусловным основанием для привлечения к ответственности.

Подобная практика вступает в прямое противоречие с конституционным принципом презумпции невиновности, закрепленным в статье 1.5 КоАП РФ. Согласно данной норме, лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, а любые неустранимые сомнения в виновности должны толковаться в его пользу. В условиях же «цифровой презумпции» гражданин вынужден постфактум доказывать отсутствие своей вины, аргументируя неявку техническими сбоями, отсутствием интернет-соединения или отсутствием подтвержденного профиля в государственных сервисах.

Особый теоретический интерес представляет квалификация формы вины при неявке по «автоматически врученной» электронной повестке. Умышленная форма вины предполагает, что лицо сознавало противоправный характер своего бездействия и желало его совершить. Очевидно, что если гражданин физически не заходил на портал государственных услуг или в Реестр повесток в течение

установленного периода, он не мог осознавать факт направления ему вызова, а значит, умысел в его действиях отсутствует.

Попытки квалифицировать такое бездействие как неосторожность в форме небрежности также сталкиваются с теоретическими препятствиями. Небрежность имеет место тогда, когда лицо не предвидело возможности наступления вредных последствий своего бездействия, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть. Для вменения небрежности закон должен налагать на гражданина императивную обязанность по регулярной (например, ежедневной) проверке государственных реестров. На сегодняшний день такая обязанность нормативно не закреплена в качестве общей правовой обязанности гражданина, что делает квалификацию неосторожности юридически уязвимой.

Фактически в 2026 году мы наблюдаем опасную тенденцию перехода к «объективному вменению», то есть привлечению к административной ответственности без установления вины, на основе одного лишь факта неисполнения обязанности, зафиксированного информационной системой. В административно-правовой науке объективное вменение всегда признавалось признаком деградации правовой системы, поскольку оно стирает границу между правонарушением и невиновным причинением вреда (казусом).

Для разрешения данной коллизии необходимо трансформировать подход к установлению субъективной стороны в «цифровую эпоху». Представляется целесообразным закрепить в процессуальном праве презумпцию добросовестности гражданина при использовании государственных информационных систем. Органы военного управления при привлечении лица к ответственности по главе 21 КоАП РФ должны быть обязаны доказать не просто технический факт отправки или публикации повестки, а реальную возможность гражданина ознакомиться с ней. Доказательством этого может служить, например, лог-файл авторизации пользователя на портале государственных услуг в период после направления повестки или данные операторов связи о сессиях интернет-активности устройства гражданина. Без такого подтверждения привлечение к ответственности должно признаваться

незаконным из-за недоказанности субъективной стороны состава правонарушения.

На современном этапе особое значение приобретает правовую природу обеспечительных мер в сфере воинского учета.

Масштабная реформа отечественной системы воинского учета привела к возникновению принципиально нового для российского права правового института – «временных мер, направленных на обеспечение явки граждан». Данный правовой феномен, нормативно закрепленный в Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» № 53-ФЗ и получивший широкое практическое распространение к 2026 году, представляет собой сложную теоретико-правовую проблему. Ограничение права на выезд из Российской Федерации, запрет на государственную регистрацию индивидуальных предпринимателей и самозанятых, приостановка постановки имущества и транспортных средств на государственный учет, а также ограничение права на управление автомобилем и отказ в получении кредитов формируют беспрецедентный по степени жесткости правоограничительный режим. Определение истинной юридической природы данных мер необходимо не только для доктринальной систематизации, но и для выработки адекватных механизмов защиты прав граждан в рамках административно-деликтного процесса.

В теории права государственное принуждение традиционно подразделяется на несколько видов: меры юридической ответственности (наказания), меры пресечения, меры предупреждения и обеспечительные меры. Законодатель позиционирует рассматриваемые ограничения именно как обеспечительные меры, преследующие цель понуждения гражданина к исполнению возложенной на него публичной обязанности по явке в военный комиссариат. Однако детальный юридический анализ показывает, что данные меры существенно отличаются от классических обеспечительных институтов, известных российскому законодательству.

Если сопоставить рассматриваемые ограничения с мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, закрепленными в главе 27 КоАП РФ (такими как административное задержание, изъятие вещей или задержание транспортного

средства), обнаруживается ряд фундаментальных различий. Во-первых, меры главы 27 КоАП РФ всегда применяются в рамках уже возбужденного дела об административном правонарушении, носят строго индивидуальный характер и налагаются уполномоченным должностным лицом на основе оценки конкретных обстоятельств дела. Временные меры обеспечения явки в сфере воинского учета, напротив, накладываются в автоматическом режиме посредством алгоритмов Единого реестра воинского учета по истечении двадцати календарных дней со дня неявки по повестке. В данном процессе полностью отсутствует стадия индивидуальной правоприменительной оценки, что делает применение ограничений безличным и автоматизированным.

Во-вторых, классические меры обеспечения производства преследуют цель фиксации доказательств, пресечения правонарушения или обеспечения исполнения будущего наказания в пределах, соразмерных самому деликту. Ограничения же, накладываемые на военно-обязанных, по-своему правоограничительному эффекту несопоставимо превосходят санкции, установленные за неявку по повестке. В то время как максимальный размер штрафа по части 1 статьи 21.5 КоАП РФ составляет тридцать тысяч рублей, временные меры блокируют базовые гражданские права личности: право на свободу передвижения, право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности, а также право собственности. Налицо явный дисбаланс между тяжестью совершенного проступка и суровостью обеспечительного воздействия, что вступает в противоречие с конституционным принципом соразмерности ограничений прав и свобод, закрепленным в части 3 статьи 55 Конституции РФ.

Данное противоречие позволяет утверждать, что рассматриваемые ограничительные меры по своей фактической правовой природе являются скрытой формой административного наказания, или квази-санкциями. Они выполняют выраженную карательную и превентивную функции, лишая гражданина ключевых социальных и экономических благ в целях общей и частной превенции. При этом применение данных «наказаний под маской обеспечительных мер» происходит в обход процессуальных гарантий, предусмотренных КоАП РФ.

Гражданин подвергается жестким ограничениям без составления протокола, без рассмотрения дела по существу, без заслушивания его аргументов и до официального признания его виновным в совершении административного правонарушения. Таким образом, нарушается один из фундаментальных постулатов правового государства, согласно которому ограничения прав личности материального характера должны следовать только за установленным в процессуальном порядке фактом совершения правонарушения.

Дополнительную теоретическую сложность представляет процедура отмены данных мер в условиях цифрового межведомственного взаимодействия. Законодательство декларирует, что ограничения должны быть сняты в течение суток с момента явки гражданина в военный комиссариат или подтверждения уважительности причин неявки. Однако на практике в 2026 году выявилась проблема «цифрового лага» – технической задержки между фактическим визитом гражданина в военкомат, внесением изменений в Единый реестр воинского учета и обновлением баз данных ГИБДД, Росреестра и Федеральной налоговой службы. В этот переходный период гражданин продолжает испытывать ограничения своих прав, будучи уже

юридически чистым перед государством, что свидетельствует о несовершенстве процессуального механизма отмены обеспечительных мер.

Подводя итог анализу правовой природы временных мер обеспечения явки, необходимо констатировать их гибридный, карательно-обеспечительный характер. Сочетание признаков административного пресечения с фактическим эффектом сурового наказания требует их немедленной интеграции в единую систему административно-процессуального права. Для минимизации конституционных рисков и защиты прав граждан представляется необходимым перенести регулирование данных мер непосредственно в Кодекс РФ об административных правонарушениях, подчинив их применение общим правилам административного процесса. В частности, наложение столь существенных ограничений, как запрет на управление транспортным средством или сделки с недвижимостью, должно быть возможно только на основании мотивированного постановления уполномоченного должностного лица с возможностью его немедленного судебного обжалования, приостанавливающего действие ограничений до вынесения окончательного решения.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.01.2026).
2. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 2026 г.).
3. Постановление Правительства РФ от 27.04.2024 № 506 «О Едином реестре воинского учета».
4. Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник для магистратуры. – М.: Юрайт, 2025. – 450 с.
5. Старилов Ю.Н. Административное право в цифровой реальности: проблемы и перспективы // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2025. – № 1. – С. 15-30.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS IN THE FIELD OF MILITARY REGISTRATION IN THE CONTEXT OF THE FUNCTIONING OF DIGITAL REGISTERS

A.V. Bykov¹, Graduate Student

I.N. Kremenov², Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

¹Moscow University of Finance and Law, Kaliningrad Branch

²St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad Branch
^{1,2}(Russia, Kaliningrad)

Abstract. *The article examines the current state and development trends of the institute of administrative responsibility for offenses in the field of military registration in the Russian Federation. Based on the analysis of law enforcement practice in 2025-2026, the impact of digitalization of public administration – in particular, the full-fledged functioning of the Unified Register of Military Registration and the Register of Summonses – on the substantive and procedural norms of the Administrative Code of the Russian Federation is considered. The authors identify key doctrinal and practical conflicts that arise between the legal fiction of the "automatic delivery" of an electronic summons and the constitutional principle of the presumption of innocence (culpable responsibility). Special attention is paid to the legal nature of temporary restrictive measures applied to citizens in an extrajudicial manner, as well as a sharp increase in the administrative burden on employers. As a result of the research, specific proposals have been formulated to reform Chapter 21 of the Administrative Code of the Russian Federation aimed at protecting the procedural rights of subjects of responsibility in the context of digital transformation.*

Keywords: *military registration; administrative responsibility; Administrative Code of the Russian Federation; Unified Register of Military Registration; electronic summons; presumption of innocence; restrictive measures; employer's responsibility.*